

ТУВЕ АЛЬСТЕРДАЛЬ

ТЕБЯ НИКТО
НЕ НАЙДЕТ

INSPIRIA

Москва
2024

УДК 821.113.6-312.4

ББК 84(4Шве)-44

A57

Tove Alsterdal

SLUKHÅL

Copyright © Tove Alsterdal, 2021

Художественное оформление *Дарьи Васильченко*

Альстердаль, Туве.

A57 Тебя никто не найдет / Туве Альстердаль ; [перевод со шведского Е. Ю. Савиной]. — Москва : Эксмо, 2024. — 352 с. — (Ток. Национальный бестселлер. Швеция).

ISBN 978-5-04-191429-5

Жители небольшого городка Мальмберг, расположенного на севере Швеции, вынуждены переезжать вместе со своими домами из-за шахты, которая некогда давала жизнь этому городку, а теперь уничтожает его улица за улицей. Двое рабочих, занимающихся перемещением очередного дома, находят в запертом подвале перепуганного и изможденного мужчину.

Год спустя в 700 км от Мальмберга в подвале заброшенного дома посреди глухого леса обнаружен труп. Мужчина, о котором не известно ничего, кроме имени, нацарапанного им на стене перед смертью. Что с ним произошло — загадка для местной полиции, поэтому к делу привлекают констебля Эйру Шьёдин. Никто не знает этот район и местных жителей лучше нес...

УДК 821.113.6-312.4

ББК 84(4Шве)-44

© Савина Е.Ю., перевод на русский язык, 2023

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

ISBN 978-5-04-191429-5

Поселок Мальмберг, Норрботтен¹

В ту ночь подошву горы сотряс мощный удар — подземный толчок небывалой силы, от которого в домах кровати подпрыгнули, а посуда из шкафов попадала на пол.

С наступлением утра одна пожилая женщина позвонила в горнорудную компанию и потребовала возместить причиненный ей ущерб. Двадцатисемилетний отец семейства сделал то же самое после того, как вышел в сад и обнаружил, что трехколесный велосипед его дочки пропал. «Украли!» — со злостью подумал он и принялся проклинать воров, наркоманов и растущую в их округе преступность, пока не заметил трещину, прорезавшую его участок, и не понял, что велосипед провалился прямо в недра земли.

Эти и подобные им случаи заставляли людей покидать Мальмберг, не оборачиваясь, пусть даже им всегда будет не хватать места, которое они считали своим.

Томми Ойа проснулся час спустя, но не от толчка — его разбудил телефонный звонок. Чашка черного кофе, бутерброд в руке. До восхода солнца оставалось еще несколько часов, свет автомобильных фар разрезал ночную тьму. За последний год многие фонари в округе погасли, большин-

¹Норрботтен — историческая провинция в северной части Северной Швеции, в историческом регионе Норрланд. (Здесь и далее примеч. переводчика.)

ство были разбиты. Томми свернул на Хермелин и остановил машину у грозящей рухнуть ограды. За ней в ожидании переезда все еще стояло несколько старинных деревянных домов из тех, что были пропитаны духом вековой истории Мальмберга, а потому обладавших особой культурной ценностью. Сам он вырос в блочной многоэтажке, которую снесли много лет назад. Что было, то было — не о чем горевать. Ограда придвинулась еще ближе, и воспоминания о детстве растаяли, поглощенные гигантской дырой Шахты.

Томми Ойа решил не дожидаться своего коллегу, который жил в Гэлливаре. Он достал связку ключей, фотоаппарат и вошел внутрь.

С постели его подняли вопросы страховки. Если по вине ночного землетрясения разбился чей-то сервиз или упал со стены плоский телевизор, то отвечать будет горнорудная компания, а не строительные подрядчики.

Через несколько месяцев занимающаяся переездами фирма освободит квартиры от мебели и прочего имущества, после чего начнется самый важный этап работы: рабочие сделают подкоп вокруг фундамента, подведут металлические балки и двутавры, закрепят печные трубы, и дом поедет на свой новый адрес. По прибытии его вновь обставят прежней мебелью, и станет почти незаметно, что с домом что-то произошло, — разве что чарующий вид на поселок Мальмберг, церковный шпиль и горы сменяются ельником в Коскульскулле.

«Тем, кто здесь живет, неслыханно повезло», — думал Томми Ойа, переходя из комнаты в комнату и тщательно документируя. Они переедут на новое место вместе со своим домом, во всяком случае, с той его частью, которая входит в само понятие «дом». Впрочем, в наши дни это практически одно и то же.

С полки на пол попадали книги. На черно-белой, слегка пожелтевшей от времени свадебной фотографии тресну-

ло стекло. Томми сфотографировал причиненный ущерб, и ему почудилось, будто до него доносятся жалобные сетования. Он уставился на лица с фотографии, такие серьезные в столь торжественный момент, запечатленные, наверное, лет сто назад. Трещина пересекла горло жениха, разбила лицо невесты.

— Вот и все, Томми Ойа, теперь можешь уходить, — произнес он вслух, обращаясь к самому себе.

Как житель Мальмберга он был лишен сентиментальности. Жил сегодняшним днем и далеко вперед не заглядывал. Он не жалел об исчезнувших кинотеатрах и киосках, где покупал свои первые фотокарточки с изображениями известных хоккеистов. Руду необходимо добывать, и без горнодобывающей промышленности ничего вообще не будет — ни поселка, ни работы, ни богатства, на котором держится Швеция. Останется только край северных оленей и нетронутых гор, что кое-кому в далеком Стокгольме, конечно, очень не понравится, особенно тем хлыщам, которые только и делают, что просиживают штаны в своих замечательных барах и даже не задумываются о том, откуда берется их благосостояние, как оно добывается из горной породы у них под ногами.

И вдруг он снова это услышал. Вот дьявол.

Это были не слова, а тихий жалобный плач, словно в стенах еще оставались голоса тех, кто здесь жил.

— А ну заткнитесь! — прикрикнул он.

— С кем это вы разговариваете?

В дверях стоял молодой парень, сотрудник фирмы, посланный сюда в качестве временной замены одному из пожилых специалистов, который заработал себе смещение звонков. Очень не вовремя. Переезд дома — задача крайне сложная, все должно пройти без сучка и задоринки. Малейшая разбалансировка — и стены могут треснуть. Местные СМИ будут снимать весь процесс на камеру, а жители Мальм-

берга соберутся на обочине дороги и станут наблюдать оттуда, как населенный людьми поселок исчезает с лица земли.

— Раненько же ты, — проворчал Томми Ойа и, выйдя на лестничную площадку, начал степенно подниматься на верхний этаж.

Парень не шелохнулся.

— Что это? — вдруг спросил он.

— Где?

— Да вот. Словно зверь скулит.

Томми Ойа поспешно спустился обратно.

— Так ты тоже это слышишь?

— Черт, неужели кто-то забыл здесь свою кошку?

На этот раз к странному звуку добавилось еще и слабое постукивание в трубах. Они замолчали и прислушались. Эхо ударов глухо перекатывалось вокруг них, постепенно затихая, чтобы затем с новой силой зазвучать вновь.

— Подвал, — наконец догадался парень. — Должно быть, звук идет оттуда.

Томми загремел ключами, попробовал один, следом второй. Дверца распахнулась, кривая лесенка уводила вниз, во тьму. Они спустились по ней и уперлись в железную дверь с крепкой ручкой. Здесь стука слышно не было — должно быть, звук проникал в дом другими путями, например, через печную трубу. Ни один из ключей из связки к двери не подошел.

— Дьявол, — выругался Томми и рванул к выходу из подвала. Парень следовал за ним по пятам. Они вместе вышли из дома и обогнули его. Звук послышался снова. У подвального окошка Томми опустился на колени и включил фонарик. Стекло отразило свет, ослепив его, перед глазами поплыли огненные круги.

— Разбейте его, — посоветовал парень.

— Совсем, что ли? Мы не имеем права наносить дому ущерб!

— Это всего лишь окно, — пожал плечами парень, — какая разница?

«Мальчишка», — снисходительно подумал Томми Ойа, возвращаясь к своей машине за инструментом. Он просунул в щель оконной рамы стамеску и надавил.

Последние осколки стекла со звоном осыпались на каменный пол подвала, и стало тихо. Томми Ойа еще успел подумать, что это все ошибка. В голове промелькнула оправдательная речь перед начальством, мол, я не виноват, это все кошка проклятая, и тут молодой парень взял фонарик и осветил внутрь. Томми Ойа знал, что до пола там больше двух метров — он самолично занимался расчетами по этому дому и составлял план, как именно следует подводить направляющие балки, чтобы приподнять его. К тому же окошко было чересчур маленьким, чтобы можно было в него протиснуться, если бы кто-то все же решил рискнуть своей жизнью ради чертовой кошки.

Парень вскрикнул и, выронив фонарик, попятился с такой скоростью, скребя задницей по гравию, словно собрался удирать до самого Гэлливаре. В его глазах застыл дикий страх. В этот момент из-за гор выглянуло солнце, и вставшие дыбом волосы на голове у паренька засияли, словно нимб.

— Привидение, что ли, увидел?

Томми просунул руку с фонариком в разбитое окошко, луч света скользнул вдоль стен. Было так тихо, что даже противно. Он слышал свой собственный пульс и приглушенные ругательства парнишки. Внутри подвала были навалены какие-то коробки, складные пластиковые стулья. Старый стол для пинг-понга, постеры на стенах. И вдруг какое-то движение. Чьи-то руки, поднявшиеся, чтобы защитить лицо от яркого света. Человек лежал, прижавшись к стене, съежившись, будто зверь. Вокруг валялись разбросанные картонки и всякий хлам.

Томми уставился, не веря своим глазам.

Парень за его спиной продолжал поскуливать со страху.

— Заткнись! — прикрикнул на него Томми.

Теперь звук был слышен отчетливо. Он шел из угла, разносясь под бетонно-кирпичными сводами подвала, резал воздух, будто ножовка. Это был крик запертого в клетке зверя, в нем не было ничего человеческого — скорее, дикий первобытный рев до того, как человек стал человеком и обрел дар речи, словно истеричный ор новорожденного. У самого Томми Ойа было трое детей, и он отлично знал, как они умеют орать. Но этот крик не шел с ними ни в какое сравнение.

Он похлопал по карманам в поисках телефона, его руки дрожали, когда он набирал простую комбинацию цифр и бессвязно просил прислать полицию и «Скорую» на Лонга Раден. Ему пришлось три раза повторить адрес, ведь центральная диспетчерская служба находилась в Умео, в пятидесяти милях к югу, так откуда тамошним сотрудникам знать про расположение улиц в Мальмберге.

Затем он вновь подполз к окошку и осветил фонариком на свое лицо, чтобы не ослепить того человека.

— Они скоро будут! — сказал, нет, крикнул он в темноту, но не получил ответа.

Одален. Октябрь

Эйра Шьёдин как раз заворачивала кофейные чашки в полотенца, когда ее мама принялась распаковывать обратно первую коробку.

— Что это ты делаешь, мама?

— Думаю, они мне не понадобятся.

— Ты же сама сказала, что хочешь взять с собой эти книги.

Черстин Шьёдин вынула несколько томиков и принялась расставлять их обратно, заполняя образовавшиеся на полках пустоты.

— Переезд отменяется, — заявила она. — И вообще, по мне, так это все напрасный труд. У меня здесь такое дешевое жилье — всего две тысячи крон в месяц.

Эйра без сил опустилась на стул, чувствуя себя смертельно уставшей. Процедура сборов продолжалась уже больше недели, поскольку очень больно выбрать из дорогих тебе вещей, с которыми связана вся твоя жизнь, лишь некоторые, и попытаться впихнуть их в комнату площадью восемнадцать квадратных метров.

Вот уже в тридцатый по счету раз, не меньше, ей удалось убедить маму, что ей действительно нужно переехать в приют для престарелых, а уже на следующий день Черстин снова все забыла. Случалось, она забывала об этом даже спустя несколько минут. Эйра отметила про себя, какие коробки распаковывает Черстин, чтобы вечером, когда мама уснет, снова запаковать их.

— Тебе какие картины больше нравятся?

На обоях остались светлые прямоугольники — следы от картин, которые провисели здесь почти целую вечность. Черно-белая гравюра с изображением реки еще тех времен, когда по ней сплавляли бревна, детский рисунок в рамочке, который нарисовал брат Эйры, когда еще самой Эйры и на свете-то не было. Мама, папа и ребенок, а над ними — ярко-желтое солнце с большими толстыми лучами.

А еще занавески. Из двухэтажного дома переехать в комнатушку с одним-единственным окном. И одежда. «Вряд ли в обязанности персонала входит глажка красивых блузок», — подумала Эйра, глядя на то, как Черстин распаковывает дорожные сумки и достает аккуратно сложенные вещи, которые с таким трудом удалось собрать после многочисленных

уговоров. Теперь же они возвращались обратно на вешалки. Черстин была еще относительно молода, всего-то с легка за семьдесят, когда у нее началась деменция. Эйра видела, какими дряхлыми были другие жители приюта, и спрашивала себя, сколько времени должно пройти, прежде чем ее элегантная мама смирится с жизнью в байковом халате или в юбке на резинке, надеваемой, когда приходят гости.

На все про все у них была ровно неделя, после чего место отойдет кому-то другому, но все же Эйра взяла трубку, когда ей позвонили: не могла не взять.

— Как дела? — спросил Август Энгельгардт, заехав за ней спустя четверть часа на патрульной машине.

— Отлично, — буркнула Эйра.

Август покосился на нее, притормаживая у выезда на шоссе, и следом совершенно не по-уставному улыбнулся.

— Я уже говорил, что страшно рад вернуться обратно?

Август Энгельгардт был на пять лет моложе Эйры — все еще свежеиспеченный сержант полиции, вернувшийся обратно в Крамфорс после продолжительной службы в Трольхаттане, где он временно замещал одного из тамошних сотрудников, тем самым побывав в разных концах страны и вкусив все прелести, которые те могут предложить.

— Что у нас на повестке дня? — спросила она.

— Один пропавший без вести. Мужчина средних лет, родом из Ньюланда, никакого криминального прошлого.

— Кто заявил?

— Его бывшая жена. Их дочь учится в Лулео. Она первая встревожилась и позвонила матери. Вот уже три недели как об ее отце ни слуху ни духу.

Эйра на мгновение прикрыла глаза. Картинка шоссе все равно никуда не делась, равно как и мысли о старинном бюро, переходящем у них в семье по наследству. Маме может понадобиться инвалидная коляска — и как она тогда

станет разворачиваться в загроможденной мебелью комнате? А ведь это может случиться совсем скоро.

Пропавший гражданин проживал в кооперативной квартире в доме за супермаркетом «Ика Розен» в Нюланде. Август и Эйра остановились у группы двухэтажных опрятно выглядящих строений, столь безликих, что они могли находиться в любой части страны. Консьерж, который должен был впустить их в квартиру, опаздывал, но у подъезда их уже поджидала бывшая жена пропавшего: пиджак, модные в этом году очки в белой оправе, коротко подстриженные волосы в идеальном порядке.

— Его уже три недели никто не видел, — сообщила Сесилия Рунне. — Конечно, Хассе тот еще подлец, но работа всегда была для него на первом месте.

— Кем он работал?

— Вообще-то он актер, но, чтобы не помереть с голоду, хватался за все подряд — в наших краях без этого никак. Работал строителем, в патронажной службе обслуживания престарелых... Я не знаю всех подробностей, но, по словам дочери, на прошлой неделе он должен был поехать на съемки фильма в Умео. Хассе безнадежен по части денег, но он всегда трепетно относился к своим ролям, особенно учитывая прошлый год, когда он целых семь месяцев просидел без работы.

Вирус, который так больно ударил по всему миру, по сфере культуры, по старикам. Беда, из-за которой даже пришлось отложить переезд в приют для престарелых, пока обстановка в доме не стала совсем уже невыносимой.

Август записывал показания бывшей супруги.

По словам тех, кто в последнее время общался по телефону с Хансом Рунне, у него наблюдались проблемы с психикой и алкоголем.

— А какая-нибудь новая женщина у него появилась?

— Нет, не думаю, — ответила Сесилия, возможно, чересчур поспешно. — Во всяком случае, я ничего об этом не слышала. — Ее взгляд скользнул по двору и по усыпанной палыми листьями лужайке, на которой стояли чьи-то ходунки.

Дело о взрослом мужчине, который забил на работу и не отвечает на звонки, никак не относилось к разряду приоритетных. Возможно, оно вообще выеденного яйца не стоит. Полицейские приняли заявление, осталось попасть в квартиру, где в худшем случае его обнаружат мертвым.

Это было вероятнее всего. Инсульт, сердечный приступ, да мало ли что. Самоубийство, наконец. Разве что его настиг кризис среднего возраста, и он отправился бродить по горам, но разве это преступление?

— Только бы он не валялся там внутри, — проговорила женщина, и на этот раз в ее голосе отчетливо прозвучал страх. — А то столько похожих случаев в последнее время. Люди, чьи трупы находили лишь спустя недели. Я много о таком читала, а с одним из моих знакомых приключилась та же история. Не представляю, как Палома сможет с этим жить?

— Палома?

— Наша дочь. Она названивала ему каждый день и даже собиралась приехать сюда из Лулео, несмотря на сессию. Я сказала, что улажу этот вопрос. Пообещала ей все выяснить.

Появился консьерж и впустил их в квартиру Ханса Рунне на втором этаже. На полу под ногами валялись нескрытые конверты и рекламные листовки, пахло застарелым мусором или чем-то похожим. Прихожая вела напрямиком на кухню. В мойке — несколько чашек и стакан, на столике рядом — пустая винная бутылка. Вонь шла из мешка с мусором, который был засунут под мойку.

— Вообще-то он любил выпить, — произнесла за их спинами бывшая жена. — Может, после развода и запил — не знаю.

В гостиной тоже было пусто. Еще несколько стаканов и пустых бутылок. Гигантский плазменный телевизор на стене. Дверь в спальню оказалась закрытой.

— Пожалуй, будет лучше, если вы подождете в прихожей, — сказала Эйра.

Женщина зажала рот рукой и попятилась из гостиной с круглыми от ужаса глазами. Август толкнул дверь и вместе с Эйрой тут же с облегчением выдохнул.

Постель не была заправлена, подушки и одеяла валялись в беспорядке, но вокруг не было ни души. Эйра и Август как по команде присели на корточки и заглянули под кровать. Ничегостораживающего. Просто обычный мужчина, который не застелил постель. И который читал на ночь дневники Ульфа Лунделла, судя по толстому тому на прикроватной тумбочке, и скрипел во сне зубами, судя по зубной пластинке в открытом пластиковом футляре. Воздух в комнате был таким, каким он бывает после трех недель полной неподвижности — спертым, но все же терпимым.

Когда они вернулись обратно на кухню, Сесилия Рунне опустила на стул.

— Он не мог просто так взять и исчезнуть, не сказав при этом ни слова своей дочери. И оставить меня разбираться со всем этим. Хассе, конечно, любит трепать языком, что есть, то есть, но когда речь заходит об ответственности перед другими...

— Как давно вы развелись? — спросила Эйра, открывая холодильник. «Три года», — прозвучало в ответ, и это она его бросила, а не он ее.

Молоко, срок годности которого истек еще неделю назад, кусок заветрившейся на срезе ветчины. Если Ханс исчез добровольно, то вряд ли это был запланированный уход.

Сесилия заплакала, молча и сдержанно.

— Я была так зла на него, — проговорила она сквозь слезы, — а теперь уже слишком поздно.